

CHRIST IS RISEN! IS RISEN INDEED!

Он родился дважды: первый раз американцем, а второй — русским...

В просторной, переливающейся мозаикой церкви американского католического монастыря торжественно звучит воскресная месса, в то время как в подвале того же здания несколько человек выносят из кладовой иконы, устанавливают импровизированный иконостас, пюпитр для нот, один из них облачается в одежду православного священника и, совершив в полутемной нише проскомидию, обходит зал с кадиллом... Мальчик читает часы за аналоем, и вскоре раздастся «Благослови, Владыко...»

Такой в 1993 году я увидела православную литургию в миссионерском приходе Святого Евангелиста Матфея Православной Церкви США (St. Matthew Orthodox Mission, Green Bay, Wisconsin), когда приехала в Америку на год преподавать русскую культуру и литературу, а на самом деле — рассказывать о русских христианских традициях в литературе и культуре. Община насчитывала около тридцати человек, и, не имея своего здания, арендовала подвальный зал в католическом монастыре... Монастырь покровительствовал общине...

На вечернюю службу я ездила в подвал греческого ресторана «Олимпик» в небольшом городке Стивенс Пойнт, куда отец Стефан (американец армянского происхождения) приезжал по вторникам и сопровождал службу катехизаторскими беседами об основах православного вероисповедания. Обычно собиралось около десяти человек, среди которых выделялся крупный мужчина высокого роста в шортах, который особенно старательно молился и задавал отцу Стефану много вопросов. Он оказался лютеранским священником Брайеном, который решил перейти в Православие. Его жена Бренда, получившая образование в английском католическом университете, полностью разделяла стремление мужа. Другая молодая пара американцев приезжала с маленьким мальчиком — корейцем Джонатаном, которого они усыновили и крестили в Православной Церкви. Нас с дочерью привозила на машине пожилая ирландка-католичка Джоан Дрейна, у которой мы снимали две комнаты в течение полугода и по вечерам

вместе молились по-русски и по-английски. Ей особенно нравилось много раз повторять с нами «Господи, помилуй» — единственное, что она понимала по-русски. Армянин, ирландка, кореец, русские и американцы — православные неопиты, католики и лютеране — вместе осваивали азы Православия. Нас они называли «миссионерами со Святой Руси».

В «православных подвалах» справляли службу русские и греческие иммигранты и новообращенные — коренные американцы Среднего Запада. На побережьях уже существовали православные храмы и общины, основанные иммигрантами из России, Греции, Сербии, Украины, Ближнего Востока и других традиционно православных стран. В средней же части Америки Православие мало известно и представляет собой экзотическую, на взгляд среднего американца, религию, которую пришельцы с Востока сохраняют как этническую религиозную нишу. Жизнь этнических православных общин (греческой, русской, сербской и других) порой столь замкнута, что об их существовании могут и не знать американцы, живущие в том же городе.

В 1990 году Американская Православная церковь отметила двадцатилетие автокефалии, а в 1994 году — двухсотлетие существования Православия на Американском континенте.

Американская Православная Церковь стала преемницей и собственно американским продолжением этнически замкнутых православных общин, в которых духовное единение членов общины усиливалось чувством национальной общности. В церковь приходили и для того, чтобы поговорить на родном языке, обменяться воспоминаниями или новостями с родины, испечь, к примеру, пироги, отведать борща, холодца или блинов. Иногда такой тип прихода иронически называют «клубом по национальным интересам» («ethnic club») и противопоставляют напряженной духовной жизни «церкви новообращенных», открывающих для себя Православие в его новизне и неожиданном богатстве богослужения.

Православных гостей из России встречают с большим уважением и считают русское благочестие более строгим и глубоким, относятся к русским православным традициям с ученическим почтением, почитают мученический путь Русской Церкви в советское время, хорошо помнят, что православная вера была принесена в Америку в 1793 году иноками Валаамского монастыря. Святой отшельник Герман Аляскинский, святитель Иннокетий, позднее митрополит Московский и Коломенский (им была учреждена Алеутско-Аляскинская епархия), святитель Тихон, позднее патриарх Московский и всея Руси... В Америку Бог посылал «мужей сильных и словом и делом». Только за восемь лет управления епархией митрополитом Тихоном были учреждены два викариата: Аляскинское и Бруклинское, Нью-Йоркское братство и сестринство, Духовная семинария, монастырь, 60 новых приходов, и это в то время, когда Россия прекратила финансирование Американской епархии.

Русские святители (Russian Enlighteners of America) поминаются американцами в конце каждой православной литургии, во многих храмах есть иконы святого Тихона, святого Германа Аляскинского, святого священномученика Ювеналия, святого Иннокентия Аляскинского, — все они изображены на иконе «Собор Православных русских святителей» вокруг Богородицы с младенцем Иисусом Христом, сидящими на троне.

Нередко американский приход, гостеприимно встречая русского некрещеного иммигранта, обращает его в Православие, возвращая тем самым миссионерский долг России. Неисповедимы пути Господни, но некоторые соотечественники в наши дни обретают родную веру в ее американском облики. Я видела такое крещение на берегу озера Мичиган, в котором американский священник отец Михаил крестил московского инженера, приехавшего работать в Грин Бей.

Одновременно американцы отстаивают право на национальное своеобразие американского Православия, видя его в большей открытости Церкви обществу, ее социальном служении, освящении всех сторон жизни человека... Приход ставит своей целью создание общины-семьи, где болезнь одного воспринимается как забота всех, а семейное торжество, да и просто именины или день рождения — причиной отдельного молебна и общего застолья; где в складчину копят деньги на покупку или аренду помещения для церкви (или строят новую церковь в русском новгородском стиле), пекут торты, пироги и продают их, дабы собрать деньги для прихода.

В американских православных храмах стоят скамьи, и некоторые гости или новообращенные сидят всю службу, хотя по правилам садиться разрешается только во время чтения Апостола и проповеди.

Открытость, доступность и равноправие всех членов Протестантских Церквей оказали влияние на жизнь православных общин, в которых преобладают неопиты, чаще всего перешедшие в Православие из Епископальной или Лютеранской Церкви. Новообращенным порой трудно выстоять длительные службы, креститься и кланяться, а тем более класть земные поклоны прямо на полу храма. Трудно и поститься...

До середины XX века американцы, обращавшиеся в Православие по зову веры, порой были вынуждены служить и молиться в храмах, где богослужение велось на церковно-славянском

языке, а прихожане общались на русском. Погружение в Православие в таком случае порой оборачивалось национальным перевоплощением. Например, отец Иларион (Father Hillarion) начинал служить в русском храме в Калифорнии, приход которого составляли преимущественно русские дворяне первой волны эмиграции. Отца Илариона рекомендовали мне как священника, которому я могу исповедоваться по-русски. Его русская речь была безукоризненной, духовная реакция на мою испо-

Крестный ход на мысе Форт Росс, самой западной точке Америки

ведь показалась родной, но, увидев, что я приняла его за соотечественника, он весело сказал: «Я — не русский, я — американец». «Не может быть, — ответила я, — Вы ошибаетесь, Вы — русский». Об отце Иларионе в Американской Церкви говорят, что он родился дважды: первый раз американцем, а второй раз — русским. Вторым рождением стало его духовное рождение в Православии...

В России с отцом Иларионом произошел анекдотичный случай: в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, где он гостил несколько месяцев, к нему подошли американские туристы из родного Чикаго и на ломаном русском языке попросили разрешения сфотографировать «русского монаха». «Пожалуйста, фотографируйте,» — благодушно ответил «русский» монах и широко, по-американски, улыбнулся в объектив своим землякам из Иллинойса.

Ту же фразу о двойном рождении я услышала и в церкви Святой Троицы в Милуоки (Milwaukee, Wisconsin), где приход Русской Зарубежной Церкви возглавлял в начале 1990-х коренной американец отец Иоанн, говоривший на мягком наречии дореволюционного духовного сословия России. Там нас приняли настороженно, удивились, что мы знаем службу (приехав из безбожной России), но моей дочери Маше разрешили во время рождественской литургии петь в хоре, а мне — помолиться.

В Американской Православной Церкви бытует прощество патриарха Тихона о том, что в начале XXI века наступит расцвет православной веры на американской земле. Митрополит Тихон прибыл в Америку в 1898 году и пробыл там до 1907 года. Прощаясь с заморской паствой, он произнес речь в традиции пушкинской речи Достоевского, в духе «всемирной русской отзывчивости»: «Прости и ты, страна сия! Для одних из нас ты являешься отечеством, родиною, для других ты дала приют, работу и достаток, иные на твоей вольной земле получили свободу исповедовать правую веру. Бог гово-

рил в древности через пророка: *Забываетесь о благосостоянии города, в который Я переселил вас и молитесь за него, ибо при благосостоянии его и вам будет мир* (Иер. 29,7).

Сейчас, столетие спустя, наступает время для исполнения пророческого слова патриарха о расцвете Православия в Америке, и тому немало примет в христианской жизни США, немало на то и причин.

Американские газеты часто пишут о том, что количество прихожан в христианских церквях постоянно уменьшается, в то время как православные издания публикуют материалы о растущем обращении в Православие христиан иных конфессий. Наиболее массовым «исходом» из протестантизма стало обращение в Православие двух тысяч христиан во главе с отцом Питером Гилквистом (Peter Gillquist) в 1987 году. Позднее, в 1992 году, отец Питер написал книгу «Как я стал православным: путь к древнехристианскому вероисповеданию» («Becoming Orthodox: A Journey to the Ancient Christian Faith»). Книга рассказывает историю большой группы лютеран, которые задались целью очистить христианскую Церковь от реформаторских искажений и вернуть ей духовную полноту богослужения в том виде, в котором она была завещана Иисусом Христом, апостолами и святыми отцами. Их поиск, неожиданно для них самих, привел к «открытию», что такая Церковь уже существует, сохраняя на протяжении многих веков литургию Иоанна Златоуста и Василия Великого, и имя ей — Православие. После долгих препятствий и недоверия со стороны православных иерархов различных Церквей эта лютеранская община была принята в 1987 году. Антиохийской Патриархией и основала собственный приход в Калифорнии. Путь в Православие длился десять лет...

Голос отца Питера Гилквиста оказал большое влияние на православных неопитов и оглашенных. Его книга стала образцом нового жанра — своего рода «православной одиссеи» («journey to Orthodoxy») — в котором протестантская традиция дневникового исповедания наполнилась православным духом верности христианской традиции. Литература такого рода не всегда принимает законченную форму книги. Иногда это статья в православной или светской периодике, интервью или письмо в газету, порой — просто дружеская исповедь, но все их объединяет одно — стремление к незамутненным истокам христианства.

Показательно в этом смысле название группы лютеранских священников, готовивших себя в середине 1990-х к переходу в Православную церковь — «Возрождение веры в ее чистоте» («Creedal Clearwater Revival»). Группу организовал тот самый пастор Брайен Джей, с которым мы познакомились на вечерней службе в подвале греческого ресторана «Олимпик». Он был единственным пастором в маленькой деревне Юнити в Висконсине, когда пришел к окончательному решению перейти в Православие. Объявить об этом своей пастве он хотел в конце воскресного богослужения. Накануне вечером он позвонил мне и попросил приехать: «Мне

нужен рядом православный человек, чтобы я знал, что Православие существует. Предстоит очень трудный день». Мы с дочерью приехали и весь вечер показывали ему видеозаписи московских богослужений, объясняли по-английски, что происходит, переводили молитвы. Перед сном вместе с его семьей молились о благополучном «исходе» из Лютеранской Церкви. Момент был выбран удачный и очень тяжелый для его прихода. Незадолго до этого синод признал однополые браки, что вызвало волну возмущения среди лютеран. Когда Брайен объявил прихожанам, что не может более оставаться в лоне своей Церкви, они созвали общее собрание прихода и попросили его не оставлять паству в столь непростое для них время, когда они особенно нуждаются в духовном руководстве. После шумного и очень эмоционального обсуждения Брайен решил остаться еще на год, в течение которого надеялся одновременно заочно пройти курс Православной Свято-Владимирской семинарии. В результате в лютеранском приходе вскоре появились иконы, молитвы из Православной Литургии, каждение и частная исповедь перед Причастием. А примеру Брайена последовали еще несколько лютеранских священников, которые и образовали группу «Возрождения веры в ее чистоте» для заочного дистанционного обучения в Православной семинарии.

Окончив курс, Брайен был рукоположен в священника в Американской Православной Церкви и стал отцом Андреем. Он несколько лет прослужил в Богородичном Соборе Миннеаполиса, построенном до 1917 года по образцу собора в Омске, а несколько лет назад открыл свой миссионерский приход Христа Спасителя недалеко от города.

Не менее интересным был путь в Православие американского писателя и режиссера Франка Шеффера, который написал об этом несколько статей и книг: «Танцующая в одиночестве: поиск православной веры в век ложных религий» («Dancing Alone: The Quest for Orthodox Faith in the Age of False Religions», 1994) и «Письма к отцу Аристотелю: путешествие по современному американскому Православию» («Letters to Father Aristotle: Journey Through Contemporary American Orthodoxy»). Автор разворачивает широкую критическую панораму жизни христианских Церквей в Америке. Открывая свою первую книгу словами «Америка — это нация людей, провозглашающих веру в Бога на словах, но на деле поступающих, как атеисты», Шеффер последовательно критикует американское общество как воинствующее материалистическое, враждебное традиционным религиям, а потому запретившее преподавание Священного Писания в государственной системе образования. «Америка, — пишет Шеффер, — наиболее материалистическая (после Советского Союза) культура в мире в том смысле, в котором «научное познание» глубоко проникло в американское сознание».

Запрет на молитву и преподавание христианства в американских государственных школах и университетах во многом напоминает советские времена, а откры-

тое исповедание веры встречается до боли знакомое обвинение в фанатизме. Учебники по истории США стыдливо умалчивают о роли христианских подвижников (пуритан, например) в истории страны, а некоторые учебники по истории американской литературы кажутся перепечаткой советских изданий.

В результате длительной протестантской традиции, получившей выражение в эмерсоновской доктрине «доверия к себе», вера в Бога порой заменяется верой в себя. Так, например, десять американских студентов из тринадцати, которым я читала в 1995 году в МГУ курс по культуре России и Америки, в сочинении на тему «Мой религиозный опыт» («My religious experience») написали, что они верят в себя, и, как следствие, — в Бога. И лишь одна из студенток американской группы, Сэлли Браунтон, написала в сочинении: «Я надеюсь, что в конце концов я обрету веру, поскольку, будучи американкой, я лишена как чувства национальной традиции, так и веры в Бога. Нация и религия — это две пустоты во мне. Поскольку я ничего не могу поделать с тем, что я американка, то заполнена во мне может быть лишь религиозная ниша». Сэлли написала так, видимо, в результате общения с московской семьей, у которой поселилась на время учебы. Хозяин квартиры, украинец, спросил ее:

— Какой же ты национальности?

— Американка.

— А предки твои откуда приехали в Америку?

— С Украины.

— Так значит, ты украинка.

— Да я и языка-то не знаю.

— Все равно украинка и православная. Изучай язык и веру предков, дочка.

По словам американского православного теолога польского происхождения Тадеуша Войчика, «американцы открывают для себя Православие теперь, когда Православная Церковь научилась говорить по-английски». Действительно, православная литургия впервые зазвучала на английском языке в Америке только в конце 50-х начале 60-х годов, но и сейчас в американских храмах можно встретить двуязычие, а то и многоязычие, когда на фоне английской литургии некоторые молитвы поются на церковно-славянском или на греческом языках.

Православное многоязычие наполняется особенно глубоким смыслом в Пасхальную ночь, когда, по традиции, возглас «Христос Воскресе!» должен произноситься с амвона на многих языках. В московских храмах он может произноситься на латинском, древнегреческом, порой на английском или немецком, но при этом только русский возглас встречает многоголосый радостный отклик «Воистину Воскресе!». В американском же православном храме по тому, сколь громко ответ на церковно-славянский или греческий возглас, вы можете судить о силе восторженности русских или греков в храме, но стоит прозвучать пасхальному «Christ Is Risen!», как все голоса торжественно сливаются в мощном английском отклике — «Is Risen Indeed!»